

"ПОВЫШЕ БАЛАХНЫ, на высоких глинистых горах Кирилловых да на горе Оползнэ, вытянувшись вдоль левого берега Волги, стоит село Городец. Кругом его много слобод и деревушек. Они с Городцом воедино слились", — отмечал Павел Мельников-Печерский в одном из своих романов. Тишина, спокойствие, благодсть — таков Городец, с XVIII века — один из центров судостроения, хлебной торговли, изготовления печатных пряников. Сюда же свозились деревянные изделия со всей округи — ковши, чаши, сундуки, прялки, а городские ярмарки сулили и уступали нижегородским, то всё равно блистали пышностью и весельем. Здесь же и зародился промысел, ставший одним из символов русской идентичности.

Хохлома, палех, вологодское кружево, дымковская игрушка, жостово, жгель, оренбургский пуховый платок да каслинское литьё — во всём этом, как сказал Николай Некрасов, "...золото, золото / Сердце народное! / Сила народная, / Сила могучая", и городецкая роспись по праву занимает своё место в том волшебном списке. Музей деко-

однако брюнеты и брюнетки так и оставались "изюминкой" городецкой росписи. Тем причудливее смотрится рисунок "Офицер" 1860-х годов, где воин белокур. Любопытная деталь: мастера отслеживали модные тенденции. В середине XIX века рисовались кринолины, затем — турнюры, а к финалу столетия появились рукава-буфы и юбка, напоминавшая цветок выюнка или же лилию, — узкая в бёдрах, но расширявшаяся книзу. Преобразились и кавалеры: всё реже мелькали цилиндры и всё чаще — котелки или канотье, а фраки сменились пиджаками и визитками. Помимо бытовых сценок активно использовался цветочный орнамент — как правило, стилизованные розы.

В экспозиции представлена подлинная прялка, а сопроводительный текст гласит, что, когда заканчивалась работа, нарядные донца отсоединяли и вешали на стену в качестве украшения. Можно увидеть лари, солонки, даже вазы. Для тех, кто далёк от изучения старины, будет сюрпризом термин "мочесник". Это лубяной короб, использовавшийся в крестьянском обиходе для хранения

в фабрику, действующую и поныне. На выставке есть фотографии Коновалова за работой и, разумеется, его творения. Излюбленным мотивом были кони — красные иль чёрные, несущие всадников или гуляющие на свободном выпасе. Стройные, тонконогоие, ретивые. Коновалов изумительно точно передавал анатомию животного, хотя и сохранял традиционную для Городца условность.

Представлены эскизы мастера — помимо сказочных коней, тут и жар-птица, и петухи-фанфароны, и цветочные гирлянды. Среди экспонатов — детский гарнитур, состоящий из небольшого столика и двух стульев. В 1950–1970-х годах актуализировалось целое направление — оформлять детские сады при участии хохломских, жостовских и городецких умельцев. Запрос был не только эстетическим, но и патриотическим — ребёнка приучали к линиям народного творчества. Тот, у кого имелся столик "от Коновалова", уж не забудет коняшек в обрамлении роз!

Один из разделов проекта полностью посвящён детско-игровой теме. Главный герой — конь-качалка. Эту штуку выдумали не в Городце — её про-

Авторская роспись Ф.С. Красноярова на донце прялки. Нижегородская губерния, Городец. Начало XX века.

ративного искусства приглашает на выставку "Диво дивное городецкое", посетитель которой может не только насладиться ярким зрелищем, но и отследить эволюцию вкусов и стилей. Народное творчество — не застывший канон, оно движется в такт общему ритму.

Итак, всё началось с прялок! Точнее, с их донец. Советский исследователь Борис Рыбаков в своём программном труде о языке славян подчёркивал, что "...прялки часто являлись свадебным подарком жениха невесте". На донцах изображались солярные знаки ещё с тех времён, когда наши предки были солнцепоклонниками. До 1850-х годов городецкие прялки украшались резьбой, и в экспозиции есть уникальные образцы начала XIX столетия — их отличала простая геометрия, но затем умельцы принялись инкрустировать донца морёным дубом.

Интересна вещь 1830-х годов с изображением дам и кавалеров, одетых по парижской моде. Автор уловил силуэты — фигурки схематичны и притом узнаваемы: фраки в талию и цилиндры у мужчин, колоколообразные юбки, открывавшие кожу до щиколотки, — у женщин. На передней части донца — всадник с огромной саблей. К слову, конь — также древнейший мотив славянского творчества, который в зависимости от трактовки ассоциировался то с солнцем, как в данном случае, то с переходом в потусторонние миры.

Рядом — изделия второй половины XIX века. Тогда уже сложился характерный городецкий почерк. Теперь дамы и господа рисовались в цвете, где ведущим колером был красный, за ним следовал чёрный, а потом уж белый. Сложился и особый типаж городецких персонажей — брюнет с очень светлой кожей. Темноволосые и героини росписей — с длинной косой или с уложенной причёской. Это отвечало расхожему суждению о красоте, и, как подчёркивала купеческая дочь из пьесы Александра Островского, "чтоб не курносого, беспрёменно чтобы был бы брюнэт; ну, понятное дело, чтоб и одет был по-журнальному". Предпочтения менялись,

"мочек" — пучков льняной или шерстяной кудели, а также веретён с уже напрядёнными нитями. На выставке сразу несколько таких мочесников: на одном из них отображена волнующая сцена — всадник-офицер взял за руку девицу в кринолине и наверняка желает увезти её с целью тайного венчания.

Кстати, о свадьбах. В экспозиционной витрине — облачение богатой невесты XIX столетия. Здесь и золотое шитьё, и атлас, и дорогостоящие пуговицы. Тут же — праздничный костюм горожанки. Он скромнее, чем свадебный, но поражает не меньше. Городец, помимо всего, слыл центром старообрядческого купечества, крепкого и рачительного. Деньги тратились, но не транжирились. Капиталы — не для загулов и кутежей с шансонетками, а для достойного пребывания в земном облике.

В 1900–1920-х годах промысел был не то чтобы в тотальном упадке, но явно не процветал. Что-то делалось по инерции, но взлётов не наблюдалось. Второе рождение произошло в 1930-х годах, когда художник Иван Овешков открыл мастерскую и принялся обучать городецким чудесам и премудростям. Не обошлось и без социально-политических тем — возникли колхозные, индустриальные и ликбезовские сюжеты.

Тому пример — "Лесорубы" Игнатия Мазина, где есть и локомотив, и функционеры в будёновках. Не менее заметна его же "Пашня". В левой части панно — убогая пахота до революции, а справа — новейшая техника и прогресс. Эти изделия сродни плакатам, провозглашавшим светлый путь всего человечества — в том числе и городецких обывателей. Кроме того, повышению статуса народных промыслов способствовала идеологическая трансформация — при Иосифе Сталине мечта о мировой революции уступила патриотической доктрине.

Не допускался никакой стихийности — в конечном итоге была создана артель с бодрым названием "Стахановец", которую возглавлял потомственный живописец Аристарх Коновалов. Впоследствии артель преобразовалась

образ появился аж в Средневековье, но в промышленных масштабах игрушку стали выпускать куда как позже — в XIX столетии. Перед нами — чёрный конёк 1950-х годов, весь в цветах. Кроме этого пособия для юного кавалериста, представлены фигурки и куколки, созданные учениками Аристарха Коновалова.

Лаконизм 1960-х коснулся архитектуры, дизайна квартир, живописи, графики и — городецкого стиля. Впрочем, хохломского и жостовского — тоже. Вроде бы те же кони, птицы и соцветья, но упростились формы. Всё сделалось чётко-аскетичным и плоским, а при этом явилась летяще-звенящая динамика. Полёт как цель — метафора десятилетия.

В 1970-х — очередной виток. Футуризм космической эры отступил перед несравненным ретро. Пришла целая плеяда писателей-деревенщиков, воспевавших дедовские обычаи. В журналах мод — павловопосадские платки, блузы и платья в этническом стиле, дублёнки. В антикварных магазинах — спрос на до-революционные комодики, а народные промыслы востребованы как атрибуты "приличной квартиры". Не случайно, что на выставке — большая подборка панно и шкатулок 1970-х годов. Городецкий почерк опять трансформировался, теперь уже в сторону усложнения.

На выставочных табличках — новые имена. Чудесна работа Лидии Кубатиной "В низенькой светёлке", где крестьянка выпрядает нить под уютное мурлыканье кота. Комната тщательно прописана — часы, зеркало, подставка под лунчину. Правда, у тех пейзаж, что могли себе позволить настенную "кукушку", жизнь протекала отнюдь не при лучинушке, а при толстых свечках. Но! Ретро диктовало свои правила — атрибутика должна быть знакомой и понятной, как песня "Догорай, моя лучина, догорю с тобой и я!", которую в 1970-х исполняли даже ВИА.

Панно Александры Соколовой "На крыльце" — многофигурная композиция с привычными брюнетами. Как сказано выше, городецкие мастера всегда подглядывали на актуальные моды, и тут явле-

ны добры молодцы в пиджаках с широченными лацканами, в полосатых брюках фасона клёш — особый шик в духе рок-певца Мика Джаггера, предпочитавшего подобный принт. Дамы — в фантазийных платьях с кринолинчиками, ибо совсем уж отойти от стандарта было невозможно.

"Две птицы" Надежды Столесникова — это своеобразная дань памяти Аристарху Коновалову: он часто использовал подобный шаблон, где райские птицы обращены друг к другу среди торжествующего разноцветья. Работа Лилии Беспаловой "Городецкие мастера" — филигранное роскошество и триумф живописности. Это именно то, что называется "картина внутри картины": мы видим панно, а на нём персонажи держат другие панно. Всё пространство заполнено узорочьем, и трудно понять, на чём же остановит свой взор.

Вопреки мнению, что перестройка и 1990-е — это абсолютный крах

цивилизации, городецкая роспись не канула в Лету. Выставка представляет в том числе образцы 1990–2020-х годов, а тексты гласят, что промысел развивается, храня преемственность. Одним из ключевых направлений стала иконопись. Точка сборки — икона Божией Матери "Неувядаемый Цвет". Иконописный лик полностью сохранён, а декоративные виньетки, выполненные в городецком духе, стали частью художественного оформления. Кроме того, показаны сувениры и милые вещицы вроде шкатулочки для писем работы Елены Старовой.

Экспозиция — настоящее пиршество для глаз и для души. Это и есть то самое "диво дивное", о котором говорит название проекта. Вихрь красок. Буйство чувств. И главное — сердце народное.

Галина ИВАНКИНА

ВОТ УЖЕ который сентябрь глобальное медиапространство в первой декаде месяца заполняется воплями на английском с американским акцентом. Обычно причина понятна: каждая следующая годовщина 11 сентября обозначает всё растущий разрыв между теми, кто привык с серьёзным лицом воспринимать официальную скорбь и общепринятую версию о "теракте", теми, кто в попытках спасти свою психику пропустил эти скорбь и версию сквозь сито иронии, недоверчивыми конспирологами и внимательными наблюдателями, а также вчерашними маргиналами, чьё мнение становится всё громче год от года, — эти говорят, что теракт был оправдан и что так этим американцам и надо. Но сейчас сентябрь совершенно особенный.

10 сентября — годовщина убийства Чарли Кирка. Строго говоря, конечно, он Кёрк, но ан-

Юта, был убит выстрелом в шею в ходе дискуссии со зрителями, убийцей якобы оказался какой-то полубезумный левак, живший в транссексуалом. Год назад у нас описывались перспективы политического раскола, который должно было вызвать в поляризованном и напряжённом обществе это убийство. Но то, что произошло за этот год, напоминает либо жесточайшую насмешку судьбы, либо же — что скорее всего — спланированную и блестяще проведённую медиакампанию, выполненную с идеальным учётом вкусов местной публики и знанием специфики культуры эпохи соцсетей.

был бы ворваться в большую политику. Близкая работа с британскими коллегами по правому движению вызвала в начале прошлого лета у Кирка, до того бывшего убеждённым сионистом, критику Израиля. Подруга Кирка Кэндис Оуэнс — жена одного из упомянутых британских коллег, популярная публицистка и гостья России в этом году — усмотрела в этой критике причину его убийства, но ни критика Израйля, ни сами версии убийства уже значения не имеют.

После себя всякий человек оставляет наследие, и Чарли Кирка, увы, запомнят не по его дебатам, не по его граничащей

объект насмешек, его лицо принимая фотшоппить, используя самые разные контексты, приклеивать к знаменитостям, вставлять на задний план известных картин и фотографий — наступившее в методах производства контента господство нейросетей очень этому помогло. Постер сериала "Ай-Карли" переделали в "АйЧарлий", изобразили футбольное соперничество между Киркштиану Роналду и Чарлионелем Мессеи, нагенерировали тысячи роликов, где Чарли вместе с друзьями Джеффери и Биньямином тусуются на острове или спасают мир. Лицо Кирка размножили

году, но его взгляды были довольно умеренными, никаким крайне правым или нацистом, как его величали крайне левые, он не был, а являлся скорее реликтом наивных времён, когда считалось, что полная достоинства и разума американская нация ещё не безвозвратно расколота и сможет решить все свои проблемы с помощью диалога и публичной дискуссии. Над могойлой такого мейнстрим обязан был прочитать речь о важности национального единения и недопустимости политического насилия (так, кстати, сделал Барак Обама незадолго до церемонии прощания), а не плясать в бешен-

посылком, что Кирк не первый, кто был убит за правду. В стихийно возникшей кампании сторонники покойного записывали ролики со словами "Я — Чарли Кирк". Обещались и волна ответного насилия, и возникновение на обрубленной шее сотни новых голов, и импульс консервативной популярности — не делалось это так топорно, что вызывало у незаинтересованной публики лишь насмешки. Пиком всего этого стал релиз разошедшейся по всем консервативным кругам песни "Мы — Чарли Кирк" — склепанная за пару минут в нейросети и звучащая просто-напросто нелепо, но несмотря на это обретшей дикую популярность у жаждавшей мести среды.

Самой собой, в ответ началась кампания по травливанню пара у сторонников Кирка: нет эффективнее способа невести в ноль перспективы какого-либо действия, чем высмеять эти перспективы. Поэтому коллективное творчество, ведомое отлично спланированной медиакампанией по дискредитации покойного, мастерски справились с этой задачей. Тихий левый террор продолжился (в виде "ничем не мотивированных" и почти не освещаемых прессой нападений на религиозные учреждения и связанные с церквями школы, а также ставших рутинной убийств на расовой почве), вечно бряцающие оружием консервативные слои опять доказали свою неспособность это оружие применять, а Чарли Кирк запомнился всем как мем.

Если присмотреться, то у годовщин 10 и 11 сентября есть много общего. Точно та же маска иронии, за которой скрывается нежелание признавать боль и унижение, та же лавина шуток, мемов и нейросетевых роликов, направленная в нужную сторону — в сторону высмеивания следствия и игнорирования причин. Четверть века, прошедшие со дня casus belli для вторжения в Азию, воспитали целое поколение трусов, избегающих искренности, покрывающих происходящие вокруг беды и увядание расцвета Запада, породившего их, свинцовыми белыми сарказма. Превращение самого громкого политического убийства на Западе за последние полвека в повод для шуток и нагнетания нелепого пафоса — манифест поколения ироничных болванов и преддверие ждущих их страшных бед, для которых никакой иронии уже не хватит.

Илья ТИТОВ

гласящее звучание фамилии этого проповедника в том числе и протестантских идей переключается со словом church ("церк", церковь по англ. — Ред.), так что нам уместнее называть его в соответствии с прямым написанием, напоминающим слово "кирха". Как вы помните, он выступал в кампусе Университета долины

Сразу скажу, что подробного рассмотрения личности покойного и теории о его убийстве здесь не будет. Чарли был активистом из молодёжного движения республиканцев, причём предполагалось, что лет после 35, обзаведясь связями, репутацией, идейным наполнением и миллио-нами избирателей, он должен

с евангелистской проповедью манере выступлений, не по его агитационным текстам и не по созданным им организациям. Посмертная судьба этого 31-летнего консерватора оказалась куда хуже, чем всё, что могла приготовить ему жизнь.

Кирка омемили: из его специфической внешности сделали

так повсеместно, что даже ИИ оказался им отравлен: питаюсь фотографиями для насыщения своих генеративных мощностей, он перебрал с одним конкретным лицом и принялся вклеивать его в генерации, в которые даже не закладывался комический смысл.

Мем — штука странная. С одной стороны, известно, что подлинное вдохновение поддаться невозможно, а творческий угар, охватывающий толпу, является чуть ли не подобием магической практики, которую нельзя называть извне. Примерами этого могут служить многочисленные "форсы" — попытки вбросить в медиапространство контролируемые сюжеты и согласованные формулировки как ингредиенты для мема: почти всегда это оборачивается в лучшем случае тихим затуханием вброса, в худшем же это приводит к полному переиначиванию исходного смысла. С другой стороны, время господства алгоритмов и сложных связей цифровых и социальных технологий позволяет наверняка утверждать, что если мем-вдохновение и невозможно, как и прежде, поддаться, то уж точно возможно отследить его на ранних этапах и расширить на большие аудитории. Ясно, что мемификация Чарли произошла из слияния этого злого умысла и массового вдохновения.

Но почему именно Кирк? Да, он был, пожалуй, самой известной жертвой политического убийства в Америке со времён Роберта Кеннеди и Мартина Лютера Кинга, погибших в 1968

ном экстазе, разбрасывая вокруг мемы с лицом убитого. В отрыве от того, что этот мейнстрим формируют подонки, которым в радость от души (или что там у них) посмеяться над застреленным молодым отцом, возникает вопрос: почему же наследие Чарли оказалось именно таким?

Дело в том, что **выстрелы в Юте имели грандиозный разрушительный потенциал**. Первые недели после убийства повсюду раздавались взрывы улюлюканья и насмешек над убитым — не в виде как бы не отходящих к его личности картинок с его лицом в неожиданных местах, а именно учителявавших его деятельность и всячески подчёркивавших зашуженность такой судьбы у этого "радикала и нациста". Взрывы сопровождались ответной реакцией с другой стороны. Именно тот факт, что Чарли — такой безобидный и умеренный — оказался в перекрестье прицепа, показал, что "зелёной зоны" в нарастающем гражданском противостоянии больше нет: придут за каждым, всякого объявят нацистом, любой заслужит свою пулю.

Увы, американская нация, основанная провинциальными сектантами и пуританскими фермерами, не отличается утончённостью вкусов и изяществом манер, потому реакция на убийство Кирка была выражена самым нелепым и глупым образом из всех возможных. Консерваторы принимались клепать нейросетевые ролики, где Кирка в раю встречает Христос, — с